

А. П. ЧЕХОВ И ТАГАНРОГ

Имя Чехова, которое И. В. Сталин назвал среди имен лучших представителей русской национальной культуры, дорого советскому народу, всему прогрессивному человечеству.

Трудящимся нашей области имя Чехова дорого вдвойне. Антон Павлович — наш земляк. Чехов родился в Таганроге, провел здесь свои детские и юношеские годы, учился в местной гимназии.

Таганрог времен Чехова представлял собой глухой провинциальный город. Современник и земляк Чехова, писатель Вл. Ленский называл Таганрог совершенно мертвым городом: «... всюду тишина мертвая, тупая, подавляющая тишина, от которой, как говорит Антон Павлович, в одном из своих рассказов, хочется выбежать на улицу и закричать «караул!».

Чехов ненавидел застойную провинциальную жизнь с ее сонной одурью обывателей. Но Чехов не только отмечал отрицательные явления в жизни Таганрога, он высказывал и трогательную привязанность к родному городу, который занимал в его симпатиях второе место после любимой Москвы: «Без Москвы не могу себя представить. Но и Таганрог мне дорог, после Москвы я более всего люблю Таганрог» (Г. М. Чехову, 28 апреля 1898 г.). Покинув Таганрог, Чехов всегда с любовью вспоминал о родном городе, а приезжая сюда, часами просиживал на берегу моря, в аллеях городского сада, посещая загородные места — Карантин и Дубни. Таганрогскому журналисту А. В. Тараховскому Чехов признавался: «Тянет сюда. Хоть на несколько дней я должен время от времени сюда приехать. Знакомых у меня здесь почти нет, но есть родственники и много мест, с которыми связаны лучшие воспоминания».

О своей любви к родному городу и о своей готовности быть полезным ему Чехов не раз писал таганрожцам. В 1890 году он писал Фоти: «Я счастлив, что могу хотя чем-нибудь быть полезен родному городу, которому я много обязан и к которому продолжаю питать теплые чувства».

Антон Павлович проявлял неустанную заботу о благоустройстве Таганрога, о его культурном подъеме.

Таганрог и Приазовье нашли отражение во многих произведениях А. П. Чехова («Огни», «Степь», «Счастье», «Красавицы», «Человек в футляре» и др.). Еще современники Чехова указывали на тесную связь творчества писателя с таганрогскими впечатлениями. Распространенным было мнение, что именно Таганрог дал России Чехова — «писателя близко пережившего засасывающий ужас глухого провинциального болота и из кладезя таганрогской жизни черпал мотивы своих произведений» (М. Любимов, «Город Чехова», 1910 г.). Чеховеды нередко указывали также на то, что

Л. ГРОМОВ.
Заведующий кафедрой русской литературы Ростовского государственного университета.

писатель провинциальную Россию знал главным образом по Таганрогу. Ю. Соболев писал: «И города, в которых тоскуют три сестры, жиреет доктор Ионыч, страдает Михаил Полознев и где как некий символ косности царит учитель Великов, страшный «человек в футляре» — это все тот же Таганрог чеховского детства и юности».

Но Чехов не был простым бытописателем таганрогской жизни — таким представить Чехова пытались некоторые авторы, главным образом, таганрогские «патри-

Бюст А. П. Чехова у Доминика музея А. П. Чехова в Таганроге. Фото Ф. Сорокина.

ты», находившие таганрогский материал даже там, где его никак нельзя было предполагать.

Чехов, будучи великим писателем-реалистом, использовал таганрогский материал для широких типических обобщений.

Одно из лучших произведений Чехова — «Человек в футляре» — написано с использованием таганрогских впечатлений, но основное в этом рассказе не показ таганрогской жизни, а изображение социально-политической атмосферы, характерной для царской России — «страны казенной». И то обстоятельство, что исследователи творчества Чехова находили прототипов Великова и в Таганроге (инспектор таганрогской гимназии Дьяконов) и вне Таганрога (реакционный журналист Меньшиков), свидетельствовало о

распространенности подобного типа людей, порожденных и воспитанных всем укладом общественно-политической жизни.

В ранний период творчества писатель часто вкрапывал в свои произведения отдельные таганрогские мотивы — эпизоды из жизни города и обывателей, иногда прямо называл город («Азовское море потонет в таганрогской грязи» и пр.), таганрогские фамилии (Вронди, Адабашев и др.).

В зрелый период творчества Чехова сатирическая функция таганрогского колорита делается более глубокой — он используется для обличения сущности «охладившихся» обывателей («Ионыч») и всего социально-политического уклада жизни в старой России («Человек в футляре»).

Если таганрогские впечатления были использованы Чеховым для изображения пошлости обывательской жизни, то впечатления от Приазовской степи послужили для писателя интимно-лирическим материалом для выражения задумчивых настроений и заветных дум о природе, родине, народе, счастье, красоте.

Приазовская степь, которую Чехов, как он сам свидетельствовал, — «любил, когда-то чувствовал себя в ней, как дома, и знал там каждую балочку», была поэтическим источником для создания цикла «степных» произведений Чехова, возглавляемого повестью «Степь». Глубина содержания этих произведений заключается в том, что писатель показал в них не только поэтическую прелесть степного пейзажа, но использовал образ степи, как символ родины, красоты и богатств родной земли, богатств сил народа. С этой повестью Чехов вошел в историю русской литературы, как великий ее представитель.

А. М. Горький писал: «Не знаю меры, которой определяются талантливость и величие писателя, но думаю, что Чехов, несомненно, должен быть поставлен в ряду великих наших писателей».

А. П. Чехов, определяя величие писателя, говорил: «Писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими, имеют общий и весьма важный признак: они куда-то идут и нас зовут туда же... Лучшие из них реальные и пишут жизнь такой, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, которая должна быть, а это и пленяет вас».

Чехов, которого Горький назвал «одним из лучших друзей России», созвучен нашей эпохе своей глубокой любовью к родине, верой в творческие силы и прекрасное будущее народа, своим восторженным гимном труду, воспеванием преобразования и украшения родной русской земли.

За последние дни увеличился приток посетителей в Литературный музей А. П. Чехова. НА СНИМКЕ: посетители в музее. Фото Ф. Сорокина.

В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ ПИСАТЕЛЯ

КРУГ БЛАГОРОДНЫХ ЗАБОТ

В одном из писем Антона Павловича есть такие слова: «Пожалуйста, сделайте из меня и со мной все, что только для Таганрога можно сделать». Жизнь показала не на словах, а на деле действительность забот Чехова о родном городе.

Большую работу провел писатель по организации публичной библиотеки, которой впоследствии было присвоено имя Чехова. Впервые, 3 мая 1890 года, Чехов посылает на имя городского управления для библиотеки три первых сборника своих произведений. 3 марта 1895 года писатель посылает библиотеке личные книги с автографами лиц, даривших их Чехову в знак дружбы и любви к его таланту.

В 1896 году, посетив Таганрог, он дал согласие руководить постановкой работы в городской библиотеке и снабжать ее книгами. В середине 1897 года он приобрел и выслал Таганрогу более 1.000 томов художественной и научной литературы.

В письме от 20 июля 1896 года Чехов предлагает городскому управлению устроить при городской библиотеке справочный отдел, где давались бы населению справки по всем вопросам культуры.

В этот период местные врачи обратились к А. П. Чехову с просьбой похотатайствовать в Москве о разрешении Таганрогу иметь свою городскую аптеку. В те времена аптеки содержались частными лицами, которые за услуги прав на содержание аптеки брали по 50 тысяч рублей. Новочеркасск, которому Таганрог тогда был подчинен, задаренный корпорацией аптекарей, не разрешал Таганрогу открывать городскую аптеку. И только благодаря ходатайству Антона Павловича Таганрогу было разрешено открыть аптеку для населения. Таким образом, явилась возможность приобретать медикаменты и лекарства по рецептам в несколько раз дешевле, чем в частных аптеках.

Антон Павлович высказывает пожелание, чтобы в Таганроге был устроен музей.

Город вскоре стал получать для музея экспонаты.

12 ноября 1897 года Чехов выслал из Парижа около 1.400 книг и портретов французских писателей.

По просьбе писателя и при содействии Репина Академия художеств высылает для Таганрогского музея 16 картин русских художников-академиков.

В 1898 году скульптор Антокольский по просьбе Чехова бесплатно уступает для Таганрога свою модель памятника Петру Первому и берет на себя наблюдение за отливкой бронзовой статуи. Так, благодаря Чехову, Таганрог обогащается гениальным произведением скульптуры — памятником Петру Первому.

3 мая 1903 года Чехов писал: «Памятник очень хорош, теперь остается построить хорошую библиотеку и музей».

В 1913 году по проекту друга Чехова академика-архитектора Шехтеля было выстроено специальное здание для библиотеки и музея и открыто в присутствии родных Чехова 29 января 1914 года.

До последнего дня жизни не оставляет Антон Павлович забот о родном Таганроге. Безнадежно больной, за 20 дней до смерти, он пишет из Баденвейлера в Таганрог: «Будьте добры, сообщите мне, получили ли Вы книжную посылку, отправленную мною из Москвы?».

Показать в Литературном музее весь этот круг забот А. П. Чехова о родном городе было давнейшей мечтой нашего коллектива. К 90-летию со дня рождения А. П. Чехова эта мечта осуществлена. Вчера в присутствии сотен таганрожцев был открыт новый отдел музея — «Чехов и Таганрог».

Н. ДАВЫДЕНКО.
Директор Литературного музея А. П. Чехова.

Чехов на Кавказе

Письмо из Пятигорска

Кавказ издавна привлекал к себе внимание многих писателей. Здесь жили и творили Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Белинский, Толстой, Бестужев-Марлинский... Незаслуженно было бы исключить из этого списка Антона Павловича Чехова. Великий русский писатель побывал на Кавказе в 1896 году. К сожалению, сведения об этой поездке весьма скудны. Кавказ не нашел отражения и в творчестве писателя. И лишь по некоторым отрывочным данным можно представить себе, какое впечатление произвел на Чехова Кавказ и в частности минераловодческие курорты.

В одной из записных книжек Антона Павловича есть короткая запись: «23 августа выехал из Таганрога через Ростов, Нахичевань, 24 августа приехал в Кисловодск». До этой поездки А. П.

Чехов в начале 1896 года был в Петербурге, виделся там с Короленько; в феврале проездом через Москву, он заезжал к Льву Николаевичу Толстому и весьма возможно, что рассказы Льва Николаевича о Кавказе сыграли решающее значение для его планов поездки на Юг. Вспомним, что всего лишь за три года до этого была проложена железнодорожная ветка от Минеральных Вод на Кисловодск, соединившая прославленный уже к тому времени курорт с главной Кавказской магистралью Ростов—Баку.

В Кисловодске Антон Павлович пробыл недолго — всего лишь несколько дней. Он ходил два раза в день слушать музыку, принимал нарзанные ванны. В одном из писем к Г. М. Чехову он восторженно писал: «Нарзан — это удивительная штука». Писате-

лю тянулся в окрестности Кавказских минеральных вод, давно знакомых ему по Лермонтову. Здесь он вновь возвращается к «Герою нашего времени», перечитывает знакомые страницы, делает выписки. Одну из них мы находим в этой же записной книжке: «Мы почти всегда извиняем то, что понимаем». Рядом с этим лермонтовским афоризмом писатель заносит в записную книжку первый вариант детали сюжета «Дама с собачкой». Он и здесь не переставал работать. 31 августа, уже в день отъезда, Антон Павлович получил из «Нивы» корректуру повести «Моя жизнь» («Рассказ провинциала»), которая была напечатана в том же 1896 году. В отправленном из Кисловодска письме сестре Марии Павловне Чеховой он заинтересовался судьбой пьесы «Чайка», проходившей тогда цензурный комитет.

Светское общество на водах было глубоко чуждым Чехову. В письме к своему двоюродному брату Георгию Митрофановичу он

позже из Феодосии писал: «Здесь встретил знакомых... праздных». Писателя влекла природа Кавказа, хотелось уйти в горы, и дня через четыре после приезда в Кисловодск такая возможность ему представилась. Большая компания охотников, его петербургских и московских знакомых, отправлялась 28 августа на Бермамыт. Чехов вместе с ними поднимается на эту примечательную гору.

Вот он, Кавказ! Перед взором Антона Павловича открывался величественный вид на цепь гор главного Кавказского хребта. Эльбрус казался совсем рядом. Вспомнили замечание Белинского: «Кто не был на Кавказе, тот не мог не удивляться верности картин Пушкина».

Великолепные картины! Просторы вечные снегов, Очам казались их вершины. Недвижной цепью облаков, И в их кругу колосс двуглавый, В венце блистая ледяном,

Эльбрус, огромный, величайший...

Конец августа — на Бермамыте холодно, дует сильный ветер. Всей компанией заночевали, чтобы утром встретить восход солнца. Впечатления от похода на Бермамыт у Антона Павловича были настолько богаты, что еще через год, уже в другой записной книжке, Чехов делает пометку — одно слово: — Бермамыт.

Может быть, эта пометка была началом какого-то сюжета о Кавказе?

Поездка Чехова на Юг в 1896 году не исследована. А ведь писатель встречался здесь со многими знакомыми, вел беседы.

Интересно отметить, что во время приезда Чехова в Кисловодск на станции Минеральные Воды выступал кружок любителей театра. 1 сентября в исполнении этого кружка шел чеховский «Медведь».

В. СТЕПАНОВ.